

"BERLIN 45"
Tagebücher der Anonyma und des Rotarmisten
SWR-2 • Radio ART • CD I • Südwestrundfunk

**Радиоспектакль по дневникам Анонима и красноармейца
Владимира Гельфанда**

Владимир Гельфанд — украинский еврей, выросший в промышленном районе Днепропетровска. Он интересуется литературой, много читает.

Анонима была женщиной, чьё имя официально неизвестно. Женщина, которая работала журналисткой до войны и теперь пережила эти последние недели в Берлине как свидетель с телом, душой и всей своей внимательностью, и всё это, что произошло с ней, и это она записывала.

Затем, долгое время после того, как её книга впервые появилась на немецком языке в 1959 году, она вовсе не хотела, чтобы её публиковали, и только после её смерти снова книгу смогли увидеть печатной версией.

Мы, таким образом, следовали желанию автора и не называли её имени.

Владимир Гельфанд. На тот момент он был лейтенантом Красной армии. Он прошёл офицерский курс. Он был очень чувствительный человек, политический человек. Он активно участвует в политической жизни своей части. Он пишет листовки. Он автор статей для настенных газет.

13.01.1945

Мы находимся посередине всего этого, как говорится. Буквально нет спасения от врага.

Пятница, 20.04.1945, 16:00

Да, война катится к Берлину. Дышишь шумом пушек.

14.01.1945, 4:50 утра

Это ад, как вокруг грохочут, воют, свистят и лают снаряды. А ты сидишь там, между жизнью и смертью.

Около трёх часов к нам подъехал разносчик газет. Его уже поджидали два десятка людей. Идя дальше, я первым делом прочитал сводку вермахта. Новые названия мест: Мюнхеберг, Зеелов, Бухгольц. Звучит чертовски маркантно и близко.

Нам принесли завтрак. Много. Он горячий, но не вкусный. Суп из пшеницы или перловки. Меня уже так тошнит от этой перловки, что я даже упоминать её не хочу.

Теперь, когда всё пропало, и у меня остался только ручной чемодан с одеждой, я чувствую себя голым и лёгким. Потому что у меня больше ничего нет, всё принадлежит мне. Например, эта чужая мансардная квартира.

Немец — полный идиот и стреляет. Пусть стреляет. Наши разведчики засекут его огневую позицию по вспышкам, и там ничего не останется.

Я не нахожу покоя здесь наверху, постоянно хожу по трём комнатам. Систематически я обыскал все шкафы и ящики в поисках полезных вещей, т.е. еды, питья, горючего. К сожалению, почти ничего не нашёл.

18.01.1945

Пятый или четвёртый день в пути. Путь к атаке.

Два часа спустя. Газ горит угасающим пламенем. Картошка уже несколько часов стоит на плите. Одну из них я проглотил полусырой.

19.01.1945

Белёва. Здесь разбросано много добычи. Повсюду горят пожары. Немцы пытались уничтожить всё ценное. Но им это редко удаётся.

Я обменяла голубые молочные марки у Болле, которые Герхард прислал мне на Рождество. Это было в последний момент. Продащица уже наливала молоко из наклонённой банки и сказала, что теперь в Берлин больше не поступает молоко. Это означает смерть детей.

Я смог запастьись самым необходимым. Бумагой. Теперь у меня есть на чём писать.

Сегодня утром у пекаря шли разговоры. Когда они придут, они заберут всю еду из домов. Нам ничего не дадут.

Командир роты — сопляк. У Щикина отстали двое солдат. Несколько дней они были пропавшими. Двое из них у меня тоже пропадали на несколько часов, но потом снова появлялись. Но он сразу же угрожал мне. Я застрелю тебя в ближайшем бою.

Шестидесятилетняя Крейсин изнасилована. Монахиня двадцать четыре раза изнасилована. Кто считает? Это заголовки. Должны ли они побуждать мужчин Берлина защищать и защищать нас, женщин? Смешно.

21.01.1945

Деревня Рушчув, справа от дороги на Кутно. Поляки, эвакуированные в протекторат, потеряли свои фермы. Немцы считали это своей собственной, а не польской территорией, и заселили её людьми своей арийской расы. Так что мы уже пересекли территории, где жили немцы.

Радио не работает четыре дня.

Снова замечаешь, какие сомнительные вещи приносит нам техника. Они сами по себе не имеют ценности. Мы сейчас возвращаемся в прошлые века. Пещерные люди.

Уже в 1941 году, когда немцы ещё праздновали свои победы, один немец был публично расстрелян. Этот человек, вероятно, был дальновидным и открыто сказал своим соотечественникам: "Россию мы не победим". Он был расстрелян и сожжён как предатель.

Около 22:00 подряд упали три или четыре бомбы. Одновременно завывла сирена. Света нет.

Наконец, за центнеровой железной дверью с двумя замками и резиновым ободком наш подвал. Официально называется убежищем. Мы называем его пещерой, подземельем, катакомбами ужаса, братской могилой. Я нахожусь здесь уже почти три месяца и всё ещё чувствую себя чужой.

У каждого подвала свои табу, свои причуды. В этом подвале у них "мания стены", все сидят, прислонившись спиной к наружной стене. Как только гремит взрыв, добавляется "мания тряпки".

Я не знаю, чем может помочь тряпка. Поведение солдат возмутительно. Они не только крадут и забирают лошадей, но и умудряются обыскивать квартиры, красть велосипеды и другое имущество, свиней, коров и так далее.

Люди, которые к нам всей душой добры, после этих набегов встречают нас с недоверием. Даже иногда враждебно.

Я осматриваюсь, записываю: пекарша, две пухлые красные щёчки под овчинным воротником; аптекарша-вдова, прошедшая курс самаритянки, иногда раскладывая здесь карты на двух сдвинутых стульях; напротив меня, закутанный в одеяла, лихорадочно потеющий пожилой господин, по профессии купец. Рядом с ним его жена, говорящая на остром гамбургском диалекте, и их 18-летняя дочь, которую называют Стинчен. Я сама, бледная блондинка, всегда в одном и том же случайно спасённом зимнем пальто, работавшая в издательстве, пока оно на прошлой неделе не закрылось и не отпустило сотрудников до дальнейших распоряжений.

Она сидит в выбитой квартире, случайно нашла тетрадь, ценную, ценную бумагу, и вот она сидит и пишет в эти минуты, иногда полчаса, что остаётся, затем прячется в какой-нибудь угол и записывает, что произошло.

От первого наброска дневников до рукописи, она частично формулировала из заметок и записок, дополняла то, что помнила, что, возможно, вовсе не было в дневниках.

Было много споров, аутентичны ли эти записи, действительно ли они её? Это бесспорно, потому что она авторизовала как все книжные издания, так и эту версию, которая слегка отличается от первого немецкого издания 1959 года. Она авторизовала их все и сказала: да, это моя книга.

О Гельфанде можно сказать, что он недолго принимал участие в прямых боевых действиях и в то время мало писал, а только во время передышек.

Официального запрета на ведение дневника не было. Сложной, конечно, была организационная сторона. Когда найти время, где найти материалы, как транспортировать дневник, как носить столько дневников с собой, если стоишь в окопе? Степень аутентичности такова, что запись и событие часто разделяет всего несколько дней. Ничто в этом дневнике не указывает на то, что он специально выбирал какие-то формулировки, потому что считал, что они должны быть понятны кому-то постороннему. Он писал для себя.

Конец января 1945

Мы живём за счёт трофеев. Водка в избытке. В каждой деревне, у каждого немецкого колониста была и есть своя винокурня.

Люди пьют все, пьют спирт-сырец до полного опьянения. Многие обжигают внутренности, но это их не останавливает. Один солдат отравился этим и умер.

Света нет. Над балкой над головой висит керосиновая лампа. Снаружи густой гул, нарастающий.

Мания тряпки вступает в действие. Каждый обматывает подготовленную тряпку вокруг носа и рта. Жуткий турецкий гарем.

Галерея полузакрытых масок смерти. Живы только глаза. До Познани ещё девяносто километров.

Молодые женщины уделяют нам внимание и с энтузиазмом приветствуют своих освободителей.

Суббота, 21 апреля 1945 года, два часа ночи

Бомбы. Стены шатались. Мои пальцы всё ещё дрожат, когда я пишу. Я мокрая, как после тяжёлой работы. Я пишу. Это помогает. Отвлекает меня. И Герхард должен это прочитать, если вернётся. Если вообще ещё. Нет. Вычеркнуто. Нельзя это навлекать.

26 января 1945 года

Ещё темно. Теперь мы на марше. Придётся пройти пятьдесят километров. Сегодня мы будем в Германии.

Чуть после трёх была отмена тревоги. Я сняла платье и туфли и упала в постель, которая всегда разложена. Пять часов глубокого сна. Газ не работает.

28 января 1945 года

Германия. Тридцать восемь километров от вчерашнего последнего ночлега. Так что за два дня мы прошли девяносто километров. Германия встретила нас неприветливо, снегопадом, сильным ветром и пустыми, почти вымершими деревнями. Люди здесь, немцы, боятся гнева русских. Они бегут и оставляют всё своё имущество. Только что пересчитал свои деньги. 452 марки.

Мне кажется, что эта штука может быть только сувениром. Как картинка из затонувших времён. Мы достигли границы у очень широкой, полноводной реки. На другой стороне ничего, кроме лесов и холмов. Пересечённая местность. Недалеко от Берлина.

Германия в огне. И я рад, что присутствую на этом злом представлении. Смерть за смертью, кровь за кровь. Этих человеконенавистников, этих животных мне не жаль.

Бесконечный дождь. Я маршировала пешком по Парковой улице и забрала ещё пачку к своим бумажным картинкам. Прокурист выплатил мне последний месячный оклад и дал отпуск. Весь издательский дом исчез.

30.01.1945

Нам не дают времени отдохнуть. Сегодня мы прибыли сюда в пять часов. А в семь уже нужно было вставать. Так что я едва успел поужинать.

Конечно, не на кого злиться. Каждый наш шаг имеет величайшее историческое значение. Никто не запрещает нам брать у немцев и разрушать то, что они у нас украли.

Я запасся деньгами. 70.000 немецких марок. Среди немецких денег я нашёл и десять советских рублей.

Я очень довольна. Купила булочки в пекарне. Полки ещё, кажется, полные.

Не видно страха перед покупками. Пошла потом к кассе. Сегодня моя буква для штампования картофельных талонов с 75 по 77. Для чего вообще эта штамповка? Никто не знает. Но все идут, предполагая, что в этом есть какой-то смысл.

03.02.1945

Лес на Одере. Я оставил свой дневник. Мы движемся к реке, где идут очень тяжёлые бои. Я не могу отдохнуть.

Ночью я был занят избавлением карманов от лишнего трофейного барахла. Нельзя всё тащить с собой. Немцы боятся нас, трусливы.

Как-то все они глупы и ограничены, как идола. Чего я никак не ожидал, судя по тому, что я раньше о них думал. Под дождём телеги тащились в сторону города, покрытые мокрыми брезентами, под которыми были солдаты.

Я впервые увидел грязных, серобородых типов, настоящих фронтовиков, все старые. Перед телегами маленькие лошадки, тёмные от сырости. Уже не похоже на моторизованный блицкриг.

06 или 07.02.1945

До Берлина семьдесят километров. И до конца войны ещё далеко, как кажется. Немцы не только сопротивляются, но и способны нас остановить.

На обратном пути я проникла в заброшенный сад профессора К. За чёрной руиной дома сорвала крокусы и сломала сирень. Отнёсла часть к госпоже Гольц. Цветы, прекрасные цветы.

16.02.1945

Говорят, есть Франкфурт на Одере и ещё один на Майне. Но зато вшей... Невероятно, сколько их стало с тех пор, как я в Германии. Ни в

Польше, ни в Бессарабии, ни у нас в России у меня не было столько вшей. Теперь их столько, что они населяют моё тело, как поросята немецкую ферму.

Я горю сильнее и с большей яростью, чем до бомбардировок. Каждый новый день жизни — это триумф.

*Ты снова пережил это, ты бросаешь вызов, ты словно поднимаешься выше и твёрже стоишь на земле. ****Si fractus illa barto orbis in pavidum ferien ruine.***

На Одере лёд тронулся и унёс переправу. Обломки унесло вниз по течению. Связь с правым берегом прервана. Так наши мечты и надежды исчезли.

Наше желание вскоре продвинуться вперёд и занять позиции, чтобы захватить Берлин одним махом и окончательно разгромить гитлеровские орды. Будет трудно снова пробиться. И Бог знает, кто из нас доживёт до Берлина.

Воскресенье, 22 апреля 1945 года, 1:00 ночи

«Не поднимайтесь больше на ваш четвёртый этаж,» предостерегает меня аптекарша-вдова, и предлагает мне ночлег в своей квартире на первом этаже. Я встала на пост, стояла два часа под дождём и в конце концов получила 250 граммов крупы, 250 граммов овсяных хлопьев, два фунта сахара, 100 граммов заменителя кофе и банку кольраби.

Ещё не хватает мяса, колбасы и кофейных зёрен. Нас отделяют от голода новые небольшие запасы. Они беспокоят меня так же, как богатого его деньги. Их могут разбомбить, украсть, съесть мыши, забрать враг.

17 февраля 1945 года, 1:00 ночи

Здесь много мяса. Животных не нужно убивать. Немцы каждый день убивают их достаточно. Наши войска не едят, а пируют. И все такие разборчивые стали и брезгуют грязью, что едва узнаешь солдат от начала войны. Всё так изменилось с тех пор, как мы в Германии.

Сегодня мало обстрелов, и хотя время пришло, до сих пор не было авиаударов. Возникает нервная весёлость. Фройляйн Бен кричит через подвал. Давайте будем честными. Девственниц среди нас, наверное, уже нет. Она не получает ответа.

26 февраля 1945 года, 1:00 ночи

Алексей Толстой умер. Какой горькой потерей это стало, так близко к концу войны.

Для них вспышка жестокости была наступлением Красной армии в Восточной Пруссии. А что было до этого, им было известно лишь частично из тогдашних новостей.

На самом деле, только прямое сообщение от солдата, отправляющегося в отпуск, могло донести до них, что здесь деревня за деревней сравнивается с землёй, что только каменные трубы остаются, а всё остальное сожжено, что старики, женщины и дети были убиты. Это по-прежнему остаётся неосвещённой темой, что значительно больше русских гражданских лиц были убиты, чем военнослужащих Красной армии. Мы до сих пор недостаточно знаем об этом, и уж тем более не знали тогда.

Нужно понимать, что уровень осведомлённости берлинца, который не покидал город и сам не участвовал в войне, в основном определялся нацистской пропагандой и случайными правдивыми сообщениями отпускников.

Понедельник, 23 апреля 1945 года, 9:00 утра

Дезертирство внезапно кажется естественным, даже радостным.

Я должна думать о 300 спартанцах Леонида, которые держали оборону и погибли в Фермопилах, как требовал закон. Нас этому учили в школе, нам говорили восхищаться этим. Возможно, что 300 немецких солдат где-то так же себя ведут, но три миллиона — нет.

Чем больше, чем случайнее толпа, тем меньше шансов на героизм для учебников. В приказе главнокомандующего говорится, что офицерский корпус должен в ближайшие дни подготовить войска к боям в условиях большого города.

Ах, чуть не забыл. Наша дивизия получила орден Суворова второй степени и, как говорят, предложена для ордена Красного Знамени и звания гвардейской дивизии. Полковник Антонов, вероятно, будет повышен, этот герой, хотя многие не любят его за строгость и странности, возможно, потому что он цыган. Всё ещё есть люди с националистическими и шовинистическими предрассудками.

Около полуночи я почти упала от усталости со своего стула в подвале и ковыляла по лестнице, усыпанной стеклом, на первый этаж, где я спала на диване у аптекарши-вдовы до шести утра. Я была удивлена, когда узнала, что за это время был сброшен бомбовый залп. Я проспала его напрочь.

1 марта 1945

Полдня я "шусировал" часы. Слово "шус" появилось совсем недавно, и никто не знает, кто его придумал. Очевидно, что это слово пришло к

нам вместе с трофейным барахлом, которое без того, что описывает "schus", не хранилось бы, а было бы выброшено как бесполезное.

Больше никаких приказов, никаких новостей, ничего. Никто не заботится о нас. Мы внезапно стали индивидами, а не народными товарищами. Все старые связи между друзьями и коллегами разорваны, если между ними расстояние больше трех домов. Мы словно пещерные обитатели, семья, как в древние времена.

Горизонт простирается на сто шагов.

04.03.1945

Плацдарм на западном берегу Одера. Ночью мы переправились через реку. Шел дождь. До темноты нас обстреливали из пулеметов, артиллерии, самолетов и, наконец, танков.

Ночью телега привезла мой багаж, в котором были дневники. До темноты я записывал свои мысли в дневник.

В булочной говорили, что русские теперь стоят у Вайсензе и Рангсдорфа. Я часто купалась на пляже Рангсдорфа. Пробую сказать это вслух. Русские в Рангсдорфе. Это не вяжется. На востоке сегодня огненно-красное небо, бесконечные пожары.

13.03.1945

Против нас стоит морская пехота, выставленная батальоны численностью в четыреста человек. Серьезный противник. На углу внезапно крики и суета.

У Болле разгружали грузовик. В дом тащили бочонки с маслом, прогорклый товар, который должны распределить. Фунт на нос, и, что пугает, бесплатно.

Я протолкалась пару минут, услышала что-то о резервах, подкреплениях и немецких танках, которые прибывают откуда-то. Потом оставила масло и не стала за него драться. Сегодня, по крайней мере, еще нет.

Возможно, скоро придется учиться.

21.03.1945

Нойдрамм. Мне повезло. Нужно было пройти пешком всего пять километров, остальное я проехал на повозке. Сегодня я прошел 30 километров.

В доме я наткнулся на труп безобразной старухи и содрогнулся от ужаса. Она лежала как кусок дерева в разорванной постели. Я быстро закрыл дверь, вышел и сплюнул с отвращением.

Я обошел дом, открыл дверь сзади и застыл. Снова труп, старый немец. Я сбежал из этого мрачного дома, а ветер злобно свистел за мной, захлопывая двери и стуча по окнам.

Перья крутились в воздухе, а вершины деревьев шумели.

Вторник, 24 апреля 1945 года

Что за бедный городской младенец, если разрушится искусственный механизм его молочного снабжения. Даже если матери пока еще более-менее есть что есть и они могут кормить грудью, с тем, что неумолимо приближается ко всем нам, их источник иссякнет. К счастью, самому младшему в нашем подвале уже полтора года.

Девушки в гражданской одежде смотрели из окна. Я посмотрел внимательнее, и они исчезли. Когда я подошел ближе, они вышли из дома, гордо пересекли улицу и спрятались в подъезде большого трехэтажного здания. Я остановился. Их симпатичные лица и одежда привлекли мое внимание.

Это действительно немки? - подумал я.

Я никогда не встречал красивых девушек.

Восток горит. Говорят, русские уже на Браунауэр-штрассе. Именно в Браунау. Место, где Адольф увидел свет.

Среда, 25 апреля 1945 года, днем

Я встала в семь часов, день начался с дрожащих стен. Теперь битва рвется к нам.

Больше нет воды, нет газа. Я подождала более-менее спокойный момент и ринулась вверх по четырем лестницам в свою мансарду. Как зверь в свою окруженную пещеру, я прокралась в комнаты, всегда готовая к поспешному бегству, взяла немного постельного белья и умывальных принадлежностей и побежала вниз на первый этаж к вдове.

Мы хорошо ладим. В такие дни быстро узнаешь друг друга.

04.04.1945

Ночь, Бэрвальде. Я сейчас в дивизии и все еще не понимаю, почему я здесь. Уже в начале моего пребывания в Бэрвальде я пошел в редакцию и

представил свои стихи. Капитан Шерцдорбитов, ассистент редактора, был очень любезен.

Оказалось, что он тоже пишет. Ему понравились стихи, и он спросил, не могу ли я переписать несколько для редакции.

Я никогда не любила поговорку "Горе учит молиться". Это звучит так же противно, как "Горе учит попрошайничать". Молитва, вымоленная из уст в страхе и беде тех, кто в хорошие дни ничего не знал о молитве, это жалкое попрошайничество. Наш язык будет прав, если он сформирует слова "молиться" и "попрошайничать" так же, как "братья".

12.04.1945

Наконец-то в Кюстрине. Сегодня осмотрел. Большой, но разрушенный до основания город. Местами подвалы целы. Редко первый этаж огромных зданий. Ответ на Сталинград, хотя и мягкий.

Ведь в Сталинграде даже подвалы были сравнены с землей. Улицы начинают зеленеть. Природа, нет, она никогда не остановится и всегда будет радовать взгляд человека своей свежей красотой.

Снова в подвале. Около 18:00. Я дремала здесь внизу, пока не пришла Хенни из булочной и не сообщила, что было точное попадание в аптеку рядом с кинотеатром. Владелец сразу же умер. Ах, пожалуйста, как погиб этот человек? Так мы теперь разговариваем. Так мы опустили в языке.

Мы приближаемся к угрозе унижения и на языковом уровне. Образ русских солдат в глазах немцев был сформирован не только сталинской пропагандой, но в еще большей степени тем, что они сами видели своими глазами, когда продвигались с линии Сталинграда, Москвы, Ленинграда в 1943, 1944, 1945 годах все дальше на запад и видели, что сделали немцы с Россией. В общем-то, их не нужно было сильно подстрекать пропагандой Красной Армии, потому что их ненависть формировалась из собственного опыта.

13.04.1945

Плацдарм за Одером, к западу от Кюстрина. Только что по почте пришло самое трагическое и горькое для меня известие из-за границы. Рузвельт умер. Как же я всегда его ценил и уважал. Только он смог кардинально и основательно изменить американскую политику против фашизма и реакции.

Четверг, 26 апреля 1945 года, 11 часов утра

Я пишу дрожащими пальцами. Мы все еще дышим известковой пылью. Тридцать минут назад снаряд попал в четвертый этаж. Я выбежала галопом из своей мансарды, запыхавшись. Сплошной беспорядок из

известковых обломков, осколков и стеклянных черепков.
Прощай, мое короткое убежище, теперь ты непригодно для жилья.

16.04.1945

Враг нервничает. Что-то подозревает. Сегодня вечером мы должны быть в Берлине.

Так что я теперь буду жить у вдовы. Ей это очень нравится. Она боится быть одна в квартире.

18.04.1945

Замок немецкого магната. Какая роскошь! И какой же это шик! Замок почти полностью цел. Только в одном месте есть небольшое снарядное отверстие. Со всех сторон замок окружен прудом, в котором прекрасно отражается здание. Трудно представить, что здесь жил один человек, которому все это принадлежало.

С этого момента, кстати, это принадлежит нам. Теперь это все советское. И сегодня я с радостью осознаю, какой великолепной является наша победа.

Несколько часов спустя, около 18:00, снова в подвале. Я смогла немного поспать, была довольно пьяна после того, как выпила с вдовой бутылку бургундского. Проснулась шатким, с горьким вкусом во рту, сразу не смогла найти место в этом мирке с мигающим керосином. Пока не увидела, как люди выбегают и кричат, чтобы принести мешки.

«Давай, в бараках выкапывают картошку». «Я?» «С вдовой».

Враг как раз делает паузу, было довольно тихо. Недалеко отсюда идут бои. Все хотят быстрее в Берлин. И обозы догоняют передовые части, подкрепления присоединяются к обозам.

Теперь до Берлина недалеко. Может, 40 километров, если не меньше.

Мы пробираемся через людный коридор, спотыкаемся на скользких ступенях вниз, оказываемся в вонючей, гниющей картошке, выбираем пригодную, заполняем ведра картошкой. Вокруг снова стрельба и шум, никому нет дела, лихорадка грабежа охватила всех.

Для записи: картина, которую я увидела на улице. Мужчина толкал ручную тележку, на которой неподвижно лежала мертвая женщина. Седые пряди, развевающиеся, синяя кухонная фартук. Худые, серые ноги в чулках свисали далеко за конец тележки.

Никто почти не смотрел, как когда-то мусоровоз. Это подлинное свидетельство. Более подлинного не бывает.

Никакое письменное свидетельство не может быть более подлинным, чем это. Более подлинным может быть только устное слово сразу после события. Думаю, не должно быть дебатов об аутентичности, по крайней мере, не по этому поводу.

Будет дебатироваться значение такого отчета, такой жизненной истории. Что говорит нам свидетельство одного человека? Может ли один такой образ что-то основное сказать о поведении красноармейцев на войне? И, безусловно, там есть формулировки, которые аутентичны и которые она именно так записала тогда. Например, есть места, где она с определенной злорадностью отмечает, что производительница ликера или булочница, которые всегда в тяжелые времена имели что-то для обмена, всегда имели еду и поэтому были самыми толстыми среди всех женщин, также были первыми, кого солдаты хотели изнасиловать.

И она отмечает это с некоторой злостью, и такое можно было бы вычеркнуть потом, если бы хотелось выглядеть лучше. Она этого не сделала.

Но, конечно, текст имеет ритм и течение. В той форме он точно не был. Я тоже не понимаю этот спор. Думаю, движение было тем.

Кто-то сказал, это не обычный текст, это исторический документ. Исторический документ должен быть представлен в его сыром скелетном виде, так как он был создан тогда. Конечно, она этого никогда не хотела, потому что она хотела сделать из этого книгу, которую люди бы читали. Думаю, простые дневниковые записи не имели бы такого эффекта, потому что даже на эту книгу были негативные реакции.

Думаю также, что сила книги заключается в том, как она описывает, что она пережила. Я очень рад, что она немного расширила эти дневниковые записи.

25.04.1945, Берлин, Шпрее

Пехота пересекла Шпрее вчера и позавчера ночью и участвует в боях у железнодорожного насыпа. А мы, штаб дивизии, пока заняли позиции на одной из прибрежных улиц в пригороде Берлина, в больших, наполовину разрушенных многоэтажных зданиях. Сейчас мы вышли и ждем на берегу Шпрее. Мы переправимся.

Пятница, 27 апреля 1945 года

*День катастрофы, дикий водоворот, записано в субботу утром
Все началось с тишины, слишком тихой ночи.*

Около полуночи Фрейлейн Бен сообщила, что враг прорвался до садовых участков и что немецкая линия уже перед нами. Сегодня я впервые в подвале сказала, что знаю немного по-русски, что среди множества стран, которые я посетила в молодости, также была европейская Россия.

Между 25 и 27 апреля 1945 года

События следуют так быстро друг за другом, что разум едва успевает их осознать.

Позавчера в одном из берлинских пригородов я ехал на велосипеде. Кстати, я научился ездить на этом чудесном устройстве всего днем ранее, и встретил группу немецких женщин с узлами, пакетами и чемоданами. Жители возвращаются, подумал я, сделал два круга по улице и попытался рассмотреть их поближе.

Но вдруг они все набросились на меня и, плача, заговорили со мной. Я должен был выяснить, что беспокоило этих женщин. Я спросил женщин на ломаном немецком, где они живут, и поинтересовался, почему они покинули свои дома.

Они с ужасом рассказали о страданиях, которые им причинили штурмовые войска в первую ночь, когда вошла Красная Армия.

Я спала до пяти утра, затем услышала кого-то, бродящего в прихожей. Это была книготорговка, она пришла с улицы, взяла меня за руку и прошептала.

«Они здесь!» Кто? Русские? Я едва открыла глаза. Да, они только что ворвались через окно в магазин Мейера, где продавали спиртные напитки. Я прислушалась к разбитой, больше не закрывающейся задней двери.

Все тихо, кухня пуста. Я подкралась к окну на корточках. Утренне освещенная улица была под обстрелом. В воздухе гремят десятки свирепых «Бостонов», сопровождаемых нашими истребителями. Они летят в центр Берлина, за углом поворачивает русская зенитная установка. Четыре железных жирафа, грозные, высокие шеи.

Двое мужчин идут по улице, широкие спины, кожаные куртки, высокие кожаные сапоги. Через разбитые окна в кухню доносится запах бензина.

«Когда пришли наши солдаты, всех согнали в подвал. Самую младшую из взрослых женщин и, наверное, самую красивую они взяли с собой и изнасиловали. «Они тыкали в меня сюда, - рассказала красивая немка, поправляя юбку. - Всю ночь, и их было так много, я была девственницей», - вздохнула она и заплакала.

«На нашем дворе молодой парень чистит мотоцикл, почти новую немецкую машину Zündapp. Он протягивает мне тряпку, жестами просит продолжить чистить. Когда я говорю ему по-русски, что у меня нет на это желания и даже смеюсь, он смотрит на меня удивленно, а затем смеется в ответ.

Я чувствую, как часть моих страхов уходит. В конце концов, русские тоже просто мужчины, с которыми можно справиться женскими

хитростями и уловками, которых можно удержать, отвлечь, избежать.

Они изнасиловали мою дочь на моих глазах», - вмешалась бедная мать. «И они могут вернуться и снова изнасиловать мою девочку». «Останься здесь», - вдруг бросилась умолять меня девушка. «Ты будешь спать со мной. Ты можешь делать со мной все, что хочешь, но только ты один. Я готова на всё, что ты хочешь. Только спаси меня от всех этих мужчин».

Я чувствую нечто чуждое, трудноуловимое в воздухе, злое и угрожающее. Некоторые парни стыдливо смотрят мимо меня, обмениваются взглядами.

Один завязывает со мной разговор, хочет увести меня в сторону во двор, показывает на двое часов на своём волосатом предплечье, из которых он мне одну подарит, если я пойду с ним. Я отступаю в коридор подвала, пробираюсь через внутренний двор, думаю, что сбросила его, как вдруг он оказывается рядом со мной и влезает в наш подвал. Он пошатывается от балки к балке, освещая лица в подвале своим фонариком, около сорока человек. Останавливает свет на лицах женщин.

Она показывала всё, говорила обо всём, и не потому что была вульгарной. Её горе и страдания были сильнее её стыда и застенчивости.

И теперь она была готова полностью раздеться перед людьми, лишь бы её измученное тело не трогали. Тело, которое могло бы оставаться неприкосновенным ещё много лет.

Теперь свет остановился на восемнадцатилетней, Белоснежке с белоснежной головой.

Грозно спрашивает русский по-немецки, указывая на девушку: «Сколько лет?» Я торопливо отвечаю по-русски: «Это студентка, ей восемнадцать». Теперь следует разговор между ним и мной, быстрый обмен вопросами и ответами, который бессмысленно записывать, потому что он был бессмысленным. Речь шла о любви, настоящей любви, горячей любви, что он меня любит, люблю ли я его, хотим ли мы любить друг друга, может быть, говорю я, и постепенно приближаюсь к двери.

28.04.1945

Улицы Берлина шумные и оживленные. Немцы все носят белые повязки. Они не боятся нас и гуляют по улицам, где только можно.

Уже мы на улице в полутемном коридоре. Я иду назад, он не знает этот лабиринт, следует за мной. Я шепчу, туда, туда очень хорошо, нет

людей. Еще три шага, две ступеньки, и мы оказываемся на улице, под ярким полуденным солнцем.

08.05.1945

Во время нашего пребывания здесь прибыло дополнительное армейское обмундирование. Люди были переодеты, могли помыться в бане и приобрели новый, свежий, праздничный вид. Бывшие фронтовики до неузнаваемости изменились и теперь вполне могут удивить немцев своим поведением, чистотой, бодростью и радостью жизни.

В подвале при мерцании свечи я узнаю холодное лицо пекарши, подрагивающий рот. Рядом с ней стоят три русских солдата. Один тащит её за руку, когда она хочет встать, другой толкает её обратно на стул. Это как будто не она, а кукла, вещь.

10.05.1945

Вчера утром произошло незабываемое событие. Немцы согласились на полную, безоговорочную капитуляцию. Газеты сообщили об этом кратко, но торжественно.

Я выхожу на улицу, которая теперь спокойна и мирна вечером. Обстрелы и красные зарева далеко. Я встречаю офицера, который только что расправился с производительницей ликера, обращаюсь к нему на самом вежливом русском, прошу о помощи. Он понимает и делает кислую мину. Нерешительно, неохотно он следует за мной.

11.05.1945

Несколько дней назад я встретил возле столовой двух красивых немецких девушек. Мы заговорили. Они сказали, что я выгляжу как итальянец, отметили, что у меня очень черные волосы, делали комплименты, и я не упустил возможности сделать замечку об этом.

Слово «комплимент» почему-то вызвало у них восторг.

В подвале еще тишина и застывшее напряжение. Из троих, которые были возле пекарши, один уже ушел, двое других все еще стоят рядом и спорят. Офицер вмешивается в разговор, без командного тона, как равный с равными. Я несколько раз слышу выражение «указ Сталина».

Один из двух солдат возражает, его лицо искажено гневом. Что? Как немцы обходились с нашими женщинами? Офицер какое-то время спокойно разговаривает с солдатом, медленно отходя к выходу из подвала, и вскоре оба оказываются снаружи. Пекарша хрипло спрашивает: «Они ушли?» Я киваю, но на всякий случай выхожу снова в темный коридор.

Разговор длился довольно долго. Я уже опаздывал на ужин, и потому попрощался с девушками. Но ел без аппетита, девушки были очень красивы и очаровали меня своей красотой и нежностью.

Вот они меня и поймали. Эти двое поджидали меня здесь. Я кричу, кричу. За мной глухо хлопает дверь подвала. Один тащит меня за запястья дальше по коридору. Теперь и другой хватает меня, зажимая рукой горло так, что я не могу кричать, не хочу кричать от страха быть задушенной. Оба тянут меня. Уже лежу на полу, чувствую спиной влажный холод плитки.

21.05.1945

Даже если я и напился вдоволь, два часа ночи, что ж, стихи не идут, любовь не дается, и сердце не находит утешения в ординарном и проституции. Теперь я пьян, голова тяжелая, но трезвые мысли не уходят из моей головы.

Я ползла по лестнице вверх, собирала свои вещи, прижималась к стене, направляясь к двери подвала, внутри подваловцы смотрели на меня. Только сейчас я замечаю, как выгляжу. Чулки свисают до туфель, волосы растрепаны, обрывки подвязок все еще в руке.

Я кричу, свиньи, меня дважды изнасилованная, а вы закрываете дверь и оставляете меня лежать как кусок грязи, и поворачиваюсь, чтобы уйти.

28.05.1945

К своему дневнику я почему-то испытываю напряженные чувства. В последнее время я редко ему доверяюсь, хотя в моей жизни происходит чрезвычайно много. Девушки снова заинтересовались мной, а я еще больше ими.

Вдова сидит на краю моей кровати, она как раз снимает туфли, как вдруг шум, гам, несчастная задняя дверь, жалкое сооруженное укрепление, слышны шаги и много грубых голосов, мы смотрим друг на друга, один, два, три, четыре парня, все тяжело вооружены, автомат на бедре.

Что мне делать? Тихо ползу из кровати, прислушиваюсь к кухне, где, кажется, пьют, затем прокрадываюсь через темный коридор. Как только собираюсь подняться по лестнице, меня обхватывает сзади кто-то, кто бесшумно подкрался. Огромные руки, запах спирта, сердце бешено колотится, я шепчу, умоляю, только один, пожалуйста, только один, вы, но выгоните остальных. Он шепчет, обещает и несет меня, как сверток, на обеих руках через коридор.

03.06.1945

Сегодня я в полку. В последнее время я пережил много приключений, увидел много нового, но стал бездельником и бабником. Всё ещё мечтаю о любви, пусть даже к немке, если она будет умной, красивой, чистоплотной и, главное, верной.

И вот я сижу за кухонным столом и пишу, пишу, пишу, изливая весь хаос из головы и сердца, и тут приходит странное видение, которое мне приснилось сегодня утром, когда я безуспешно пыталась заснуть после ухода Петкера. Мне казалось, что я лежу на кровати и одновременно вижу себя лежащей, в то время как из моего тела поднимается светящееся белое существо, похожее на ангела, но без крыльев, которое поднимается прямо вверх. Это не должно быть моё «я», с которым это происходит.

09.06.1944

После часа ночи. Подъём завтра в семь. Я снова в роте миномётчиков, но в другом батальоне.

Вторник, 01.05.1945, 15:00

Оглядываясь на субботу, воскресенье, понедельник. Передо мной в постели лежит господин Паули, квартирант вдовы и отправленный домой солдат фольксштурма. В субботу днём он неожиданно появился.

Теперь он болен, у него невралгия. Мои руки дрожат, ноги как лёд. Что значит изнасилование? Когда я впервые произнесла это слово вслух в пятницу вечером в подвале, меня пробрало до костей.

Теперь я уже могу думать о нём, уже писать его с холодной рукой. Я произношу его, чтобы привыкнуть к звукам. Оно звучит как нечто последнее и крайнее, но это не так.

Она была той, кто больше всех узнал о том, что происходит на другой стороне, что происходит среди оккупантов, среди солдат. И она воспринимала этих солдат не только как массу униформированных мужчин, но как отдельных личностей. И каждого из них, кто подходил к ней ближе, даже на эту неприятную, ужасную, насильственную близость, она очень внимательно наблюдала и могла сказать о каждом что-то.

Она могла развить чувство к каждому. Это никогда не было так, как в записях, например, Рут Андреас Фридрих или других, где всё обобщается и говорится: «Мы полны надежд» или «Мы полны страха», это всегда её страх и её ужас, и это её противоположность, о которой она рассказывает.

Меня поражает, что у неё действительно есть тон, похожий на тон Готфрида Бенна, очень интенсивное и беспощадное наблюдение за

другими и за собой. Это всё время переплетается. Я не знаю ни одного такого свидетельства, потому что оно уникально по содержанию.

С точки зрения стиля, мне кажется, что оно пахнет преднацистской эпохой. Для меня это было важно, потому что оно не так обобщено, как многие другие. Например, есть такие воспоминания, где всегда описывается, как возвышенно было услышать первый концерт.

И я в это не очень верил. Это как вопрос, который я всегда задавал своим родителям: как это было на самом деле? И они всегда отвечали довольно расплывчато: всё было ужасно, и бомбы, и весь нацистский период был ужасным. Но никогда не получалось узнать точно, что происходило с теми, кто был в центре этих событий.

Глаза закрыты, зубы крепко сжаты, ни звука. Только когда нижнее бельё разрывается с треском, зубы непроизвольно скрипят. Последние целые вещи.

10.06.1945

Я уже стоял на пороге славы, величия и счастья. Но эта дверь несправедливо и внезапно захлопнулась перед моим носом, пропустив всех, кто шёл рядом со мной или даже позади меня.

Вдруг пальцы у моего рта, запах лошади и табака. Я открываю глаза. Умело чужие руки разжимают мне челюсти. Глаза в глаза. Потом он медленно выпускает из своего рта накопившуюся слюну в мой рот. Оцепенение. Не отвращение, только холод.

Позвоночник замерзает, ледяное головокружение кружит вокруг затылка. Я чувствую, как скольжу и падаю глубоко сквозь подушки и половицы, погружаюсь в землю. Вот как оно.

Когда я встала, головокружение, тошнота, я громко сказала: «Чёрт», и приняла решение. Ясно, что здесь нужен волк, который отпугнёт от меня других волков. Офицер, как можно выше, командир, генерал, кого я смогу найти.

Теперь по радио сообщили, что учреждена новая медаль за взятие Берлина. Я её, вероятно, не получу, как и другие награды, на которые меня представляли. И снова сегодня все офицеры вышли, заводят знакомства.

Я уже собиралась сдаться на день, когда дверь в соседней квартире открылась. Высокий, черноволосый, хорошо упитанный офицер со звёздами. Увидев меня с ведром, он смеётся, Раде, ты, женщина? Я смеюсь в ответ, изливаю на него своё лучшее русское.

Он в восторге, услышав свою родную речь. Его зовут Анатолий, он украинец.

16.06.1945 или 17.06.1945

Красивая задача, которую мне поручили. Грабить Академию наук. Никогда в жизни я не думал, что способен на такое грязное дело. Но люди и обстоятельства вынуждают меня к этому. Это позорное варварство в храме науки, и ничего другого.

Впрочем, офицерские звёзды оказывают удивительно мало воздействия на солдат. Я была разочарована. Никто не чувствовал себя неуютно из-за звания Анатолия. Анатолий спокойно сел и смеялся и болтал с другими, наливал им стаканы и раздавал своё походное снаряжение.

Меня беспокоит моё табу.

24.06.1945

За несколько дней до события, о котором здесь пойдёт речь, я углубился в различные медицинские книги, в том числе о импотенции. Опасность навсегда потерять способность к половому акту пугала меня сейчас больше, чем когда-либо, и я решил преодолеть свою застенчивость и чувствительность.

В тот вечер я много пила, хотела много пить, напиться, что мне и удалось. Поэтому есть провалы в памяти. Анатолий снова рядом со мной, его оружие и вещи разложены вокруг кровати. Много кнопок и карманов и что он там только не держит. Дружелюбный, отзывчивый, детский. Но родился в мае, Телец. Телец...

В полдень, когда я устал от работы, выглянул в окно, увидел красивую девушку, идущую по улице. Блондинка, но с лёгким рыжеватым оттенком.

Я позвал её. Она подошла. Я вышел и, без долгих разговоров и обняков, предложил ей войти в дом.

Что я там буду делать? Я ответил на её языке, - читать книги.

— Но это же скучно!

Я обнял её. — Пойдём на второй этаж, предложил я ей. Она охотно согласилась.

Взгляд на воскресенье, 29.04.1945

— Скажи, ты вообще не боишься? Ты имеешь в виду русских?

— Да, конечно.

Я имею в виду Анатолия, такого упитанного, мускулистого парня. Ах, он ест у меня с рук! И делает ли он к этому ребёнка? — До сих пор я об этом не беспокоилась. Почему? Не знаю.

У меня есть уверенность, что это не может случиться со мной, как будто я могу, чисто физически, закрыться от этого крайне нежелательного события.

Я обнял её, прижал к себе. И вдруг запахло собакой. Но это меня не охладило. Я уложил её на постель, ласкал её, целовал её, гладил её. От сердца исходил электрический ток.

— Странно, как мужчины сначала всегда спрашивают, есть ли у тебя муж? Что лучше всего ответить?

— Раздевайся полностью! Мы будем...

Да? Она ждала этого и охотно последовала моему предложению. Пока она раздевалась, я был весь в нетерпении. Электрический ток не терял своей напряжённости.

Она раздвинула ноги, я тоже разделся и лег. И когда я прикоснулся к её тайному месту своим лучшим органом, ток отключился. Я был ошеломлён, покраснел и испытал страшный испуг.

Кстати, я бы не знала, как ответить на этот вопрос о муже, даже если бы хотела быть честной. Без войны Герт и я уже давно бы поженились. Но когда Герт получил приказ о призыве, всё кончилось, он больше не хотел.

Рожать сирот войны? Нет, это не обсуждается, я сама такая, я знаю. Последнее письмо пришло с Западного Вала. Я почти не помню, как он выглядит.

Прочитав так много предупреждающих книг, я думал, что для сексуальной жизни я утрачен навсегда. Вдруг ток снова появился, ударил меня и перескочил на неё. Сколько раз я переключал поток тока, я уже не помню.

Едва мы съели наш кофейный заменитель с бутербродами из нагробленного хлеба, как снова появился человек Анатоля, для которых мы вроде ресторана, только гости приносят свою еду. На этот раз хороший парень, лучший из всех, кого я встречала среди них. Андре, фельдфебель по профессии учитель.

В очереди к водяному насосу одна женщина рассказала, как её сосед в подвале закричал ей, когда «Иваны» тянули её: «Ну, иди же с ними! Ты нас всех подставляешь!»

Маленькая сноска к закату Запада. Водка снова ходит по кругу.

Анатолий получает свой жадный взгляд, который я знаю, и в конце концов выводит всех под довольно прозрачными предложениями. Для этой двери даже ключа нет. Анатолий придвигает кресло.

Я постоянно думаю о том, что утром обсуждала с вдовой у очага, как делаюсь неподвижной, как кусок дерева, и сосредотачиваюсь с закрытыми глазами на слове «нет».

25.06.1945

Радио звучит весь день. Несмотря на нейтралитет СССР в войне против Японии, поставки оружия союзников продолжают.

Официально ожидается, что СССР вступит в войну против Японии и тем самым свяжет огромные силы японских военных орденов в Маньчжурии. Впервые настоящие дебаты. Среди них как минимум трое высокоинтеллектуальных.

Во-первых, Андрей, учитель. Затем кавказец с крючковатым носом и сверкающим взглядом. «Я не еврей, я грузин», — так он представился мне. Третье интеллектуальное чудо тоже новичок.

Совсем молодой лейтенант, который сегодня вечером только что был ранен осколком, с наспех перевязанной голенью, опирающийся на немецкий туристический посох, украшенный множеством значков из известных мест в Гарце. Дискуссия о причинах войны, которые они видят в фашизме, в его структуре, которая стремится к завоеваниям. Качая головой, они дают понять, что, по их мнению, Германия вовсе не нуждалась в войне.

Она ведь богатая, хорошо устроенная, культурная страна. Даже сейчас. Несмотря на разрушения.

"BERLIN 45"

**Tagebücher der Anonyma und des Rotarmisten
SWR-2 • Radio ART • CD II • Südwestrundfunk**

12.07.1944

Сейчас я в деревушке Рюдерсдорф, недалеко от нашего лагеря. Решил сделать себе долговременную завивку, которая должна держаться шесть месяцев. Два часа меня тщательно обрабатывают со всех сторон.

Молодая, симпатичная немка особенно усердно занимается моими волосами. С ней мне стоит подружиться и проводить время вместе.

Право пользования домом для некоторых друзей, если так можно назвать, а также для людей из отряда Анатоля. Право на ночлег же принадлежит исключительно Анатолю.

Она пригласила меня к себе завтра вечером на семь. Знакомство обещает быть интересным.

В остальном я теперь действительно недостижима. По крайней мере, на сегодня. Что будет завтра, никто не знает. Анатолий снова появился около полуночи, и тогда компания сама собой разошлась. Ну, пробелы в памяти. Опять много пила, не помню никаких деталей.

13.07.1945

Я только что передал дежурство за половину роты. С личным составом трудно разобраться. И не потому, что их много, а потому, что люди иногда отсутствуют неделями, и никто не знает, где они находятся.

01.05.1945, во второй половине дня

Думала о том, как мне до сих пор везло. Что любовь в моей жизни никогда не была бременем, а всегда была радостью.

Меня никогда не принуждали, я никогда не принуждала себя. Так, как было, было хорошо. Это не так уж много, что делает меня сейчас такой несчастной.

Это изнасилованное тело, которое отвечает болью.

18.07.1945

По сравнению с прошлыми годами я стал более решительным, забыл о своей робости и утратил застенчивость. Кроме того, девушки потеряли свою гордость и высокомерие, так как цена мужчин и потребность в них возросли во время войны.

Я не уродлива и могу надеяться на любовь, уважение и, не в последнюю очередь, на столь желанную нежность многих симпатичных девушек.

02.05.1945, остаток с вторника

Да, девочки постепенно становятся дефицитным товаром. Сейчас знают времена и часы, когда мужчины идут на охоту за женщинами.

Запирайте девчонок, прячьте их на чердаках, держите их в хорошо защищённых квартирах.

09.08.1945

Сегодня день событий. Самое важное событие – это новость о новой войне. Открытие дальневосточного театра военных действий между Советским Союзом и Японией.

Мы переместились к кровати господина Паули и обнаружили там русских гостей. Мрачный лейтенант со своим украшенным значками походным посохом и ещё один, которого он, видимо, привёл с собой и которого представил нам так же искусно, как и непринуждённо. Так и так, майор.

Нам запрещено разговаривать с немцами, ночевать у них, покупать что-либо. Теперь нам запрещено последнее. Находиться в немецком городе, гулять по улицам, смотреть на руины. Не только солдатам, но и офицерам. Это невозможно. Что я хочу? Свободы. Свободы жить, думать, работать, наслаждаться жизнью.

Теперь мы сидим вчетвером вокруг кровати Паули: вдова, я, майор и мрачный блондин. Говорит майор. Мы исподтишка оглядываем друг друга. Неуверенно обмениваемся словами.

Внезапно он вскакивает, просит его сказать, может ли он помешать. Тогда он сразу покинет эту комнату. И делает вид, что уже на пороге к уходу.

Нет, нет, мы отказываемся. Он нам не мешает. На что он снова садится, продолжает молча курить.

Настоящий мастер этикета. Ещё один совершенно новый образец из, по-видимому, неисчерпаемой коллекции, которую нам прислала СССР.

Немецкоязычный читатель может обратиться к целому ряду воспоминаний о войне.

Самые известные – книги Григория Вайса и Владимира Галля, политработников. Обе книги были изданы в ГДР и имели широкий круг читателей. Есть очень известное издание 1951 года.

Григорий Климов, сотрудник СМЕРШ, который уже в 1948 году уехал на Запад, написал там о своих переживаниях. Называется это «Берлинский Кремль». В отличие от всех этих, Владимир Гельфанд был моложе и занимал политически не столь ответственный пост.

Это делает большую разницу. Его переживания остаются в довольно личной сфере. Таким образом, он, конечно, намного ближе к массе красноармейцев, включая молодых офицеров, чем немногие, кто потом стал нести политическую ответственность.

Наибольшее внимание привлек дневник или записи солдата Вермахта по имени Вилли Петер Резе. Это очень проникновенный анализ того, что может произойти с чувствительными людьми на войне.

Кроме того, в этой книге, по-моему, отражается весь германо-советский конфликт. Если сравнить Гельфанда и Резе, видно, что Гельфанд в своём мышлении и письме отражает то, что для него русская война была вполне легитимной, оборонительной войной. И здесь нечего добавить.

И в случае с Резе дело обстояло так, что он, конечно, не только понял, что на дальних русских просторах не защищает немецкое отечество, что это агрессивная война, нелегитимная война, из которой, возможно, для него нет выхода.

14.08.1945

В Германии сейчас время дождей и слез. Немцы жалуется на еду, на грязь, тоскуют по хорошим старым временам, когда всего было в изобилии. Эта встреча с немецкой природой для меня очень неприятна. Она такая серая и отталкивающая, словно мачеха.

Молчание! Вдова смотрит на меня с вопросом, пожимая плечами. Снова лейтенант. Бесцветным, равнодушным тоном: «Вам нравится майор? Можете ли вы его любить? Любить? Проклятое слово! Я больше не могу его слышать. Я так испугана и отрезвлена, что не знаю, что сказать, что делать.» Я встаю и говорю: «Нет, я не понимаю.»

Лейтенант хромает за мной по комнате, опираясь на свою трость. Тихо бормочу ему: «А Анатоль? Что с Анатолем?» «Что, Анатоль?» – грубо и громко спрашивает он. «Почему Анатоль? Он уже давно далеко. Его перевели в штаб.»

17.08.1945

Только что раздались два громких взрыва со стороны Хеннигсдорфа. Над домами были видны два серых дымовых облака. Враг не молчит, не отступает, причиняя нам вред на каждом шагу. Нет ни одного дня, чтобы где-нибудь что-то не взорвалось и земля в том месте не содрогнулась от грома.

Я стою на кухне, держа в руке свечу. Рядом со мной молча стоит майор. Вежливо спрашивает, где ванная. Приближается, подвигает кресло к кровати. «Что он хочет? Опять завести беседу, сыграть в этикет, как в главе про изнасилование? Нет, он хочет познакомиться. Внезапно

вскакивает, нервно спрашивает: „Я вам неприятен? Вы презираете меня? Скажите честно.“»

Позавчера я решил во второй раз за эту неделю посетить тот город, о котором писал, стоя на крыше Рейхстага. Там я нацарапал гвоздем «На балконе берлинского здания, я с друзьями своими стою, я стою и плюю на Германию, на Берлин побежденный плюю».

«Нет, нет. Нет, ни в коем случае, ты можешь быть прав, как ты есть. Только я не могу так быстро привыкнуть к этой ситуации.»

Август 1945 года

Пора положить конец воровству. Мы не одобряем этих людей, не проявляем к ним доброжелательности, но и не боремся с ними. Мы игнорируем их, как будто не замечаем. Это влияет на всю жизнь в нашем подразделении. Есть воры, игроки и пьяницы.

Пример заразителен. Я смотрю на него, он уже берет меня за руку, крепко сжимает ее своими двумя руками и говорит, при этом у него дрожат губы и глаза выглядят жалобно: «Простите меня, у меня так давно не было женщины.» Этого не должно было случиться. Я ложусь лицом на его колени и плачу, и рыдаю, и за один раз выплакиваю всю свою печаль. Я чувствую, как он гладит мои волосы.

06.10.1945

Берлин, отель. Слухи ходят вокруг моего имени. лейтенант Р. прикладывает больше усилий, чем все остальные. Ради остроты он распространил на одной из своих лекций слух: «Гельфанд, у которого немцы убили всю его семью, теперь фотографируется с немецкими девушками, хранит их фотографии у себя и развлекается с ними.»

Сначала, когда я еще не была так известна, наши русские гости часто спрашивали меня о моем возрасте. Когда я сказала, что мне уже давно тридцать, они усмехнулись и ответили: «Хи-хи, она делает себя старше, умная.» Моему удивлению, которое я тогда предъявила, они, конечно, вынуждены были поверить. Они не разбираются в нас. Они привыкли к своим многодетным, рано увядающим русским женщинам, не могут определить наш возраст по внешности.

16.10.1945 Берлин.

Передо мной почти совершенно законченный вид проститутки. Она нарисовала себе брови, густо накрасила губы и пахнет модными кремами и одеколоном. Она не лишена красоты, но рука уродливого художника лишила ее всей свежести и привлекательности. У нее нежное тело, большая грудь, но обвисшая, с твердыми сосками, которыми можно с удовольствием наслаждаться.

03.05.1945, с остатком среды

Нельзя сказать, что майор меня изнасиловал. Я думаю, что одно холодное слово от меня, и он уйдет и больше не вернется. Так что я ему служу добровольно. Делаю ли я это из симпатии? Из потребности в любви? Да упаси бог. Делаю ли я это за сало, масло, сахар, свечи, консервированное мясо? Немного, конечно. Меня тяготило есть запасы вдовы. Я рада, что теперь могу дать ей что-то через руки майора. Я чувствую себя свободнее так, ем с лучшей совестью. С другой стороны, я люблю майора, люблю его больше как человека, чем как мужчину. И он не будет многого хотеть, я это чувствую.

22.10.1945

Поездка была долгой. В поезде было темно и набито битком. Берлинские пригороджане болтали о сале, жирах и шоколаде. Затем разговор зашел о политике. Одна женщина закричала: «Ты уже переняла русские привычки!» Эти слова попали мне прямо в сердце. И я решил не оставлять это без внимания.

Даже младшую из Портье уже зацепило. Мать рассказала мне это у насоса. «Ей пока хорошо,» - сказала мать, сама удивляясь этому.

Недолго думая, я обратился ко всем пассажирам и спросил: «Неужели русские действительно такие плохие? И их привычки хуже ваших?» Сразу все набросились на женщину, которая сделала неосторожное замечание. Для одних это была просто лицемерие, другие сделали это из страха передо мной. Только одна старуха улыбнулась мне ласково, посмотрела мне в лицо и тихо сказала: «У меня, господин лейтенант, позавчера ваши товарищи разграбили квартиру.» И скрылась в толпе.

Я бы не сказала, что в те времена, в конце войны, существовало равенство полов, но было невероятно много бремени или вызовов для женщин. И у них были должности в промышленности, в экономике, у них было много работы по восстановлению.

А мужчины вернулись с войны как неудачники, как проигравшие. И женщины, которые частично пережили конец войны со своими мужьями, которые не были на войне, также должны были осознать, что эти мужчины никак не могли и не хотели их защищать.

В 1959 году мы, конечно, имеем окружение, в котором государство утвердилось, где все центральные посты снова заняты мужчинами. И она сама описывает, как мужчины реагируют на эти рассказы. Они не хотят это слышать. Ее Герт замирает, когда она это рассказывает, тогда как женщины справляются с этим с юмором и рассказывают об этом, мужчины начинают убегать. Они не хотят это знать. И я думаю, что это большая разница между 1945, 1946 и 1959 годами. И это попадает не в то время.

Аноним сказала это однажды так: «Нужно искать лучшее слово, которое выдержит любую погоду.» Так что слово «мужской» просто имело другое значение. Это не было равенство, это был просто момент, когда можно было переосмыслить всё. Но это не было время для размышлений. Это было время для выживания, когда все хотели как можно скорее вернуться к старому порядку.

Полдвенадцатого ночи. Вчера я посмотрел представление немецких артистов в местном театре. Стилль сегодняшнего театрального искусства характеризуется прежде всего вульгарностью. Особенно характерен в этом контексте номер «Женищина моется», в котором режиссер показал не только все части женского тела, но и пошел настолько далеко, что под неописуемые аплодисменты публики в воздухе рисовалась выпуклость женской груди, и несколько раз между ног проводили полотенцем, чтобы показать, как женищина вытирает свои половые органы.

05.05.1945, суббота

Книготорговец, баварец, маленький, коренастый крепьши, действительно накричал на русского. Это произошло, когда Иван перехватил несущую воду книготорговку прямо перед дверью квартиры. Мужчина не подпускает женщину к насосу, он был в партии.

Женищина закричала, ее муж выбежал из квартиры, бросился на Ивана и закричал: «Ты проклятый ублюдок! Ты хрен!» И сага продолжает: русский стал маленьким, как он сжался, как он струсил. Значит, все-таки можно. Парень с его звериным и варварским чутьем почувствовал, что муж видел красное, что в этот момент ему было все равно, и оставил ему добычу.

14.11.1945, 1 час ночи

На обратном пути из Берлина в Вельтен меня в поезде спросил сидящий напротив немец, совершенно неожиданно и серьезно: «Станет ли Германия снова великой и сильной?» Выводов не делаю. Потому что сам вопрос настолько циничен, что ответ или комментарий ничего не дадут.

«О отпуске большинство русских ничего не знают, я это уже выяснил. Почти все они с начала войны, то есть почти четыре года, разлучены со своими семьями. Госпожа Леман понимает это, да, это многое объясняет.»

06.12. – 20.12.1945, Креммен

Мать обрадовалась продуктам, как я и ожидал накануне. Но своим поведением и жадностью она лишила меня последнего терпения и настолько отравила мои чувства, что даже моя привязанность к девушке наполовину исчезла. Я дал ей маленькую банку с салом и

предложил сделать жареный картофель и поужинать с ними. В сковороде уже плавала какая-то жидкость, и я подошел, ножом отрезал кусок сала, которое принес, и уже хотел положить его в сковороду. Тут старуха вскочила, вскрикнула, бросилась на меня, кричала как безумная и хотела отнять его у меня.

«Что случилось?» – спросил я удивленно. «Почему?» Она объяснила, что это для нее, на завтра и другие дни, а сегодня я должен есть её похлебку. «Это меня не устраивало. Я знал, что приличные люди так не поступают, и мое возмущение было безграничным.»

Уже совершила первое большое путешествие. Это было совершенно неожиданно. Я сидела на подоконнике, хотя на улице редко кого можно увидеть, кроме поляков и русских. Вон, русский едет на велосипеде, падает перед нашей дверью майор.

«Я?» Сразу побежала вниз по лестнице. Блестящий, новый, немецкий мужской велосипед. Я прошу и умоляю: можно ли немного прокатиться, всего пять минут, майор стоит у бордюра и качает головой. Он не уверен, боится, что у меня могут украсть велосипед по пути. В конце концов, он согласился. Я кручу педали так быстро, как могу. Я мчусь, потому что это делает меня счастливой после всей этой ужасной оседлости.

Мимо обугленных руин. Чем дальше я еду на юг, тем больше отступает война. Здесь уже видно, как немцы группами стоят и болтают. На нашем углу люди этого ещё не осмеливаются. Даже детей видно. С изможденными лицами и странно безмолвных.

23.12.1945

Впервые я узнал женщину после войны в Берлине. И только потому, что одна сама предложила это. С тех пор у меня на счету пять. Из них три – в Берлине и две – в Вельтене. Одна из этих пятерых – проститутка с Александерплац. Следующая – с триппером. Удивительно, что я не заразился. Третья была отвратительной. Четвертая имела узкую щель, из-за которой я натер себе инструмент и потом должен был ходить с расставленными ногами. Только один случай с женщиной запомнился мне и пришелся по вкусу.

08.05.1945, вторник, с остатком понедельника

Ушли. Все ушли. Мы не можем в это поверить. Невольно смотрим вверх по улице, как будто оттуда должны приехать грузовики с новыми войсками. Но ничего. Только тишина. Странная тишина. Нет больше лошадей, нет ржания, нет петуха. Только лошадиный навоз. И его как раз сейчас выметает младший из Портье из прихожей.

Я смотрю на шестнадцатилетнюю, единственную до сих пор, о которой знаю, что она потеряла девственность с русскими. У неё то же глупое,

самодовольное лицо, как всегда. Я пытаюсь представить себе, как бы это было, если бы это переживание случилось со мной впервые таким образом. Я должна прервать эту мысль. Такое невозможно представить. Ясно одно: если бы девушка когда-то в мирное время была изнасилована бродячим парнем, то потом последовал бы обычный мирный церемониал с заявлением, протоколом, допросом, арестом, очной ставкой, газетной статьей и соседскими разговорами. Девушка бы отреагировала иначе, получила бы другой шок. Здесь же это коллективный опыт, предсказанный, многократно предвосхищенный, что-то, что случалось с женщинами слева и справа и рядом, что, так сказать, было частью.

Эта коллективная массовая форма изнасилования будет также коллективно преодолена. Каждая помогает каждой, говоря об этом, выпуская пар, давая другим возможность выпустить пар, изрыгнуть пережитое, что, конечно, не исключает того, что более утонченные организмы, чем эта закаленная берлинская девчонка, могут от этого сломаться или получить травму на всю жизнь.

15. – 20.04.1946

Вокзал Трентов. Немцы стали дерзкими, они больше не уважают нас, не боятся совершать мелкие пакости, досаждают, отвратительно навязчивы, попрошайничают и в целом чувствуют себя с нами, как с добрыми "товарищами", с которыми можно быть на ты.

У нас здесь две стратегии поведения: официальная – корректная, человеческая, но твердая – оккупационная. Наши люди не всегда и не везде следуют этой стратегии. Вторая стратегия основана на негласных законах развития всех нас и каждого в отдельности. Некоторые дисциплинированы и культурны, но злы на немцев, потому что пережили их жестокость. Некоторые избегают их и подчеркивают при случае свое презрение к ним. Некоторые из этой группы намеренно не учат немецкий язык.

Все эти различия в развитии и поведении красноармейцев по отношению к местному населению приводят к тому, что нас считают добродушными и простыми, а вместе с тем грубыми и даже дикими людьми; нас часто высмеивают, хотя мы хозяева и победители. Но эта тема заслуживает более глубокого анализа и рассмотрения, а не такого поверхностного, как сейчас здесь, в поезде.

Многие из последних сознательно не учат немецкий язык. Другие же стараются изучить язык немцев, их обычаи и образ жизни, пытаются расширить свои знания, общаются с немцами и много разговаривают с ними, даже спорят по всем жизненным вопросам. Эти не наносят вреда нашей политике на немецкой земле. Но есть еще одна категория людей – пьяницы, воры, хулиганы, психопаты. Эти, устраивая дебоши, подрывают наш авторитет. Третья категория – это крайние либералы, не пострадавшие от гитлеровцев. Среди них есть такие,

которые влюбляются здесь, развлекаются и даже поклоняются немцам.

Как же получилось, что после этой страшной войны члены Красной Армии, были ли они в политической ответственности или нет, так сравнительно быстро отошли от ненависти. Ненависть как главная эмоциональная составляющая, как мотив во время первой встречи с немцами. Это бесспорно.

С другой стороны, и это не только в тексте Гельфанда, но и в других текстах после окончания войны, наступает сравнительно быстрое затухание этой ненависти. И именно в Германии внимательный читатель должен задаться вопросом, как это могло случиться.

С моей точки зрения, многие источники говорят, что довольно скоро начало распространяться по крайней мере нейтральное немецкое изображение. Я думаю, это связано с тем, что образ врага, который советские солдаты несли с собой, когда завоевывали немецкие территории, на самом деле не был расистским. Это образ жестокого зверя, злой твари, которую соблазнили злыми идеями. Но за этим образом врага кажется, что довольно быстро вновь смогло развиваться и человеческое представление. Или, другими словами, возможно, образ человека никогда не ставился так под сомнение за этим образом врага, что его нельзя было быстро оставить и восстановить.

Так что это уже происходит у Гельфанда, война еще не закончена, он видит в женщинах, которых встречает, не женщин врага, а женщину.

Это на самом деле удивительно. На этот вопрос еще никто по-настоящему не отвечал. Немецкий образ врага, еврейско-большевистского чудовища, этот образ оставался еще очень, очень долго, даже в этих мирных условиях, обремененным этой высокомерием, этим расизмом арийского, лучшего человека по отношению к возможно дружелюбному и готовому помочь, но все же второсортному или третьесортному человеку, русскому, украинцу, не говоря уже о евреях.

Берлин, 1945.

Радиопостановка по дневникам Анонимы и красноармейца Владимира Гельфанда от Ульриха Лампа. В ролях: Кристиане фон Пельниц и Пауль Хервиг, а также Катарины Дёблер, публицист и критик, Эльке Шерштяной, историк и научный сотрудник Института новейшей истории Мюнхена и Берлина, Вольфганг Хёрнер, руководитель издательства Эйхборн в Берлине, и Вольфрам Ветте, профессор новейшей истории Фрайбургского университета. Монтаж Вальтрауд Грубер, звук Даниэль Сенгер, ассистент режиссера Марк Гинцлер, музыка Михаэль Рисслер, режиссёр Ульрих Лампен.

Производство Юго-Западного радио 2005.